
ВОСТОЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Д.Е. Мишин

ЕЩЕ ОДНА ВОСТОЧНАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ К «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»: ЛЕГЕНДА О СМЕРТИ ПОЭТА УФНҮНА АТ-ТАҒЛИБҒИ И ЛЕТОПИСНОЕ ИЗВЕСТИЕ О ГИБЕЛИ ОЛЕГА ВЕЩЕГО

Статья посвящена распространенному в средневековье мотиву неотвратимости предначертанной судьбой гибели, одним из выражений которого является русская легенда о Вещем Олеге. В арабском мире этот мотив встречается в рассказах о купце Ғурайме ибн Ма'шаре, прозванном Уфнун (жил в доисламскую эпоху). Получив предсказание об ожидавшей его в определенном месте смерти, Уфнун погиб именно там несмотря на все попытки избежать смерти. Тем самым, данный мотив задолго до возникновения легенды об Олеге Вещем имел хождение в Ближневосточном регионе, куда впоследствии прибывали русы.

Ключевые слова: Уфнун, бану Тағлиб, Олег Вещий

То, что легенда о гибели Олега Вещего (ПВЛ. С. 29–30) имеет параллели с фольклором других народов, известно уже давно (Тиандер 1906. С. 206, 209, 221–222, 230). На эту тему есть литература, разбор которой выходит за пределы настоящей работы. Я позволю себе, тем не менее, отметить статью С.Ю. Неклюдова, который, рассмотрев несколько таких параллелей, затем отметил, что «История Олега построена на мотивах предначертанной / предсказанной судьбы-смерти и попыток избежать ее, часто безуспешных. Сказки данного сюжетного типа ... имеют широчайшее распространение» (Неклюдов 2010).

Этот мотив встречается и в культуре арабов. В ряде источников мы находим легенду о поэте Ғурайме ибн Ма'шаре, прозванном *Уфнун* за его стих:

«Ты, Маднун (обращение к девушке. — *Д. М.*) сделала так, что захотели мы любви во времена наши — ведь есть у юнцов начало юности» (Simṭ 1936. P. 685; al-Mu'talif 1961. P. 225; Khizānat 1983. P. 151).

Словами «начало юности» здесь переводится арабское *уфнӯн*. Это слово стояло на видном месте, в конце строки, и, видимо, на каком-то этапе стало прочно ассоциироваться с поэтом.

Уфнӯн принадлежал к племенному объединению бану Тағлиб ибн Ваб'ил. О том, когда он жил, трудно сказать что-то определенное. Ибн Қутайба (828/29–889/90 гг.) приписывает ему стихотворную строку (*байт*), в которой речь фактически идет об убийстве лахмидского царя Хиры 'Амра III (569 г.). Этот строка встречается у Ибн Қутайбы в двух разных местах, причем с некоторыми изменениями (al-Shi'r 1982. P. 235, 419). Абӯ-л-Фарадж ал-Исфакхāнī (897/98–967 гг.) и Ибн ал-Асйр (1160–1233 гг.) приводят, хотя с некоторыми изменениями, этот же *байт* и добавляют к нему еще один, приписывая оба Уфнӯну (Kitāb al-aghānī 1905. P. 176; al-Kāmil 1987. P. 434). Однако более ранний автор, ал-Джāхиз (ок. 776/77–868/69 гг.), приводит весь стих целиком и приписывает его другому тағлибитскому поэту по имени Джāбир ибн Хунайй (Kitāb al-ḥayawān 1965. P. 135). Поэтому вопрос о времени жизни Уфнӯна следует считать открытым. Впрочем, из рассматриваемых далее сообщений видно, что, по крайней мере, часть его жизни пришлось на доисламское время.

Мы можем приступить теперь к тому, что составляет основную часть настоящей работы — рассказам о смерти Уфнӯна. В целом они имеют одну сюжетную линию, хотя в деталях несколько разнятся между собой. Можно выделить две версии. Одной придерживаются почти все авторы; она восходит к раннему собирателю арабских стихов ал-Муфаддалу ибн Муḥаммаду (ум. в 80-е гг. VIII в.). Далее я привожу ее по тексту Муḥаммада ал-Анбāрī (ум. 939/40), опуская его собственные комментарии к стиху:

«Сказал ал-Муфаддал: “Один человек из банӯ Тағлиб по прозвищу Уфнӯн, а по имени Сурайм ибн Ма'шар ибн Зухл ибн Тайм ибн 'Амр ибн Мāлик ибн Хубайб ибн 'Амр ибн Ганм ибн Тағлиб встретил во время невежества (*ал-джāхилиййа*, т.е. доисламское время. — Д. М.) одного прорицателя (*кāхин*), и тот сказал: “Воистину, умрешь ты в месте, называемом Илāха”. Он прожил сколько пожелал Всевышний Аллах, а затем поехал с людьми из близких своих в Сирию, и они прибыли туда. Затем они выехали оттуда, но сбились с пути. Он сказал одному человеку: “Куда нам взять?” Тот сказал: “Двигайтесь и, как достигнете такого-то места, путь станет хорошо заметным, и вы увидите ал-Илāху”. А ал-Илāха — холм в ас-Самāва¹. И когда они достигли ее, товарищи его спешились,

¹ Название ас-Самāва у средневековых мусульманских авторов применяется к пространству между 'Айн ат-Тамром и Дўмат ал-джандал (BGA I, P. 23) или между Куфой и Сирией (Mu'djam al-buldān 1977. T. 3. P. 245).

а он отказался спешиться вместе с ними. Когда его верблюдица обедала [деревья] *'арфадж*, ее в губу ужалила гадюка. [Верблюдица] потерялась головой о его ногу. А гадюка не отпускала ее губу и ужалила его в ногу. Тогда он сказал бывшему с ним брату: “Выкопай мне могилу, ибо я умираю”. Затем он громко произнес:

“Не радуюсь я ничему, Му‘āvийа²; не [делают этого] и полные сострадания женщины, если они ходят за предсказателями.

Нет ничего хорошего в том, что человек обманывает себя — как ничтожно то, что он говорит!

Ступай открыто! Смертей много, и тем, что есть у тебя, не сможешь ты никого спасти от кончины.

Клянусь жизнью твоей! Не знает человек, как уберечься ему, если не пошлет ему Аллах хранителя.

Достаточно печали в том, что завтра на рассвете караван уйдет, а меня оставят похороненным в верхней части Илāхи”» (The Mufaḍḍaliyāt 1921. P. 522–523; ср.: Mu‘djam al-Shi‘r 1983. P. 186; Khizānat 1983. P. 151–152).

Ибн Қутайба, рассказ которого почти точно соответствует приведенному выше, после стиха добавляет:

«И он (Уфнūн. — Д. М.) немедленно умер и был похоронен там» (al-Shi‘r 1982. P. 419).

Другой рассказ встречается у Йāқўта (1178/80–1229 гг.):

«Поведал аль-Муфаддал ибн Салама³, сказав: “Уфнūн — а его имя — Сўрайм ибн Ма‘шар ибн Зухл ибн Тайм ибн ‘Амр ибн Тағлиб — спросил у одного прорицателя (*кāхин*) о своей смерти. Тот сказал, что он умрет в месте, называемом ал-Улāха⁴. А прежде Уфнūн выехал с людьми в Сирию; они достигли ее, а затем уехали. Они сбились с пути. Им встретился какой-то человек, и они спросили его, каким путем ехать. Он сказал: “Возьмите так-то и так-то, и, как перед вами появится ал-Улāха — а это холм в ас-Самāва — путь будет вам хорошо виден”. Как только Уфнūн

² Обращение к Му‘āvийи — конъектура автора этих строк. В текстах источников на этом месте стоит причастие *му‘āvийа(н)*, которое можно было бы перевести как «и не кричу другим». Но такая интерпретация представляется маловероятной. Скорее, автор обращается к человеку по имени Му‘āvийа, как это происходит в тексте Ибн Қутайбы. Но если бы поэт поставил в этом месте имя *Му‘āvийа*, это противоречило бы канонам арабской метрики. Поэтому вероятнее всего то, что *му‘āvийа(н)* текста фактически означает «Му‘āvийа».

³ Ум. в 903/4 г.

⁴ На письме формы *Илāха* (ал-Илāха) и *Улāха* (ал-Улāха) различаются между собой только одним значком (*хамза*), который ставится не всегда; поэтому возможность спутать их очень велика.

услышал упоминание ал-Улāхи, он счел, что это — дурное предзнаменование. Он сказал своим спутникам: “Я погиб”. Они же сказали ему: “Тебе ничто не угрожает”. А он сказал: “Мне не уйти отсюда”. Осел его был ужален, заржал и упал. Он (Уфнūн. — *Д. М.*) сказал: “Я погиб”. Они сказали: “Тебе ничто не угрожает”. Тогда он сказал: “Почему тогда осел стал бить ногами землю?” — и по его слову это стало поговоркой. Затем он, оплакивая себя и достойно встречая смерть, сказал [следует стих, приведенный у ал-Муфаддала, но за исключением третьей строки]» (Mu'djam al-buldān 1977. Т. 1. Р. 243).

Общепринятый методологический подход заставляет нас принять более раннюю и распространенную версию. Это подкрепляется и логическими соображениями: араб из Аравии скорее отправился бы в дальнейшее путешествие на верблюдице, а не на осле. Но рассказ Йāqūта важен в другом отношении: по нему видно, что легенда существовала в разных версиях и, следовательно, имела определенное хождение.

Нетрудно заметить, что сюжеты летописного известия об Олеге Вещем и арабской легенды об Уфнūне очень близки друг к другу. Как и Олег, Уфнūн получил предсказание о своей смерти, попытался избежать ее (отказавшись сходить с верблюдицы), но не смог. Обращает на себя внимание и то, что предсказание в обоих случаях обрело реальные черты (в случае с Уфнūном это произошло, когда он узнал, что ему предстоит ехать в Илāху, и это для него единственный путь) внезапно, когда опасность вроде бы была далеко. Очевидно сходство деталей: и Олег, и Уфнūн погибают от укуса змеи в ягу.

Нельзя, разумеется, утверждать, что скандинавская легенда об Озде или летописное известие об Олеге представляют собой переработку рассказа об Уфнūне. Однако этот рассказ относится к доисламскому времени, т.е. ко времени до первой трети VI в., и встречается уже у ал-Муфаддала, т.е. в VIII в. Стало быть, он появился намного раньше эпохи Олега. Поэтому, если исходить из того, что мотивы рассказов проникали из одного региона в другой, можно говорить только о том, что они пришли на Русь и в Скандинавию с Ближнего Востока, а не наоборот. Возможность этого существовала. Ибн Хордадбех в широко известном рассказе, относящемся к середине или второй половине IX в., сообщает, что купцы-русы посещали Багдад и общались с мусульманами через посредство славян-переводчиков (BGA VI. Р. 154–155). Может быть, при этом общении норманно-русы познакомились с сюжетом, который, переплетаясь с их собственными легендами, навсегда вошел в их культуру.

- Неклюдов С.Ю.* Легенда о Вещем Олеге: опыт исторической реконструкции // *Con amore. Историко-филологический сборник в честь Л.Н. Киселевой.* М., 2010. С. 366–395. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov53.htm> [*Neklyudov S.Yu. Legenda o Veshchem Olege: opyt istoricheskoy rekonstrukcii* (The Legend of Prince Oleg's Death: an Attempt at Historical Reconstruction) // *Con amore. Istoriko-filologicheskij sbornik v chest' L.N. Kiselevoj.* Moscow, 2010. S. 366–395.]
- Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. [Povest' vremennyh let (Russian Chronicle). Moscow; Leningrad, 1950. Pt. 1.]
- Tiander K.* Поездки скандинавов в Белое Море. СПб., 1906. [*Tiander K. Poezdki skandinavov v Beloe More* (Scandinavians' Travels to the White Sea). St.-Petersburg, 1906.]
- BGA I₂ — *Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishák al-Fárisí al-Istakhrí / Ed. by M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1927.*
- BGA VI — *Kitâb al-masâlik wa'l-mamâlik (Liber viarum et regionum) auctore ... Ibn Khordâdhbeh et excerpta e Kitâb al-kharâdj auctore Kodâma ibn Dja'far / Ed. by M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1889.*
- al-Kâmil fî al-târiḫ li ... Ibn al-Athîr [الكامل في التاريخ لابن الأثير. (Perfect Presentation of History by ... Ibn al-Athîr)]. Beirut, 1987. Vol. 1.
- Kitâb al-aghânî li ... Abî al-Faradj al-Iṣfahânî [كتاب الأغاني لابي الفرج الأصفهاني (Book of Songs by Abî al-Faradj al-Iṣfahânî)]. Cairo, 1905. Pt. 9.
- Kitâb al-ḥayawân. Ta'lîf Abî 'Uthmân ... al-Djâhîz [كتاب الحيوان. تأليف...أبي عثمان...الـدجـاهـيز (Book of Animals by Abû 'Uthmân ... al-Djâhîz)]. Cairo, 1965. Pt. 3.
- Mu'djam al-buldân li ... Yâkût [معجم البلدان لياقوت. (Reference-Book on Regions and Settlements by ... Yâkût)]. Beirut, 1977.
- Mu'djam mā ista'djam min asmâ' al-bilād wa-l mawāḍi' ta'lîf... al-Bakrî [معجم ما استعجم من أسماء البلاد والمواضع. تأليف... البكري. (Reference-Book on Unclear Names of Regions, Settlements, and Places)] / Ed. by M. al-Saqqâ. Beirut, 1983.
- The Mufaḍḍalīyât. An Anthology of Ancient Arabian Odes Compiled by al-Mufaḍḍal Son of Muḥammad / Ed. by Ch.J. Lyall. Oxford, 1921. Vol. 1.
- al-Mu'talif wa-al-mukhtalif li-l Āmidî [المؤتلف والمختلف للأمدي. (The Agreed Upon and the Disputed by al-Āmidî)] / Ed. by 'A.A. Farādī. Cairo, 1961.
- Simṭ al-la'ālî ... li ... Abî 'Ubayd al-Bakrî [سمط اللآلي لأبي عبيد البكري. (A Necklace of Pearls by ... Abû 'Ubayd al-Bakrî)] / Ed. by 'A. al-Maymanî. Cairo, 1936.
- Khizānat al-adab wa-lubb lubāb liṣān al-'arab. Ta'lîf 'Abd al-Ḳādir ... al-Baghdādî [خزانة الأدب ولب لباب لسان العرب. تأليف عبد القادر... البغدادي. (Treasury of Culture and the Very Marrow of the Arabic Language by 'Abd al-Ḳādir ... al-Baghdādî)] / Ed. by 'A.M. Hārūn. Cairo, 1983. Pt. 11.
- al-Shi'r wa al-shu'arā' li-Ibn Ḳutayba [الشعر والشعراء لابن قتيبة. (Poetry and Poets by Ibn Ḳutayba)] / Ed. by A.M. Shākir. Cairo, 1982.

ANOTHER ARABIC PARALLEL TO *THE TALE OF THE BYGONE YEARS*:
LEGEND OF POET UFNŪN AL-TAGHLIBĪ'S DEATH
AND THE RUSSIAN CHRONICLE ACCOUNT OF OLEG
THE CLAIRVOYANT'S DECEASE

The theme of inevitable, pre-determined death was widely spread in the Antiquity and Middle Ages and appears, in particular, in the Russian legend of Prince Oleg the Clairvoyant. In the Arabic culture that theme occurs in the stories of merchant Ṣuraym Ibn Ma'shar who lived in the pre-Islamic times and was nicknamed Ufnūn. The latter is said to have heard a prophecy stating that he was doomed to die at a certain place, and he died there despite all his attempts to avoid death. So, long before the legend of Oleg the Clairvoyant the theme circulated in the Middle East where the Rus' travelled later.

Keywords: Ufnūn, Banū Taghlib, Oleg the Clairvoyant

DOI: 10.32608/1560-1382-2021-42-458-463